

античной культуры, а именно живая связь собственно культурного гения византийцев с культурным творчеством народов многих стран Европы и Азии предопределила место Византии в истории. {223}

8

Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры

В известном диалоге «Флорентий, или О мудрости» крупнейшего деятеля поздневизантийской культуры, выдающегося историка и эпистолога, автора многочисленных риторических, поэтических и философских сочинений Никифора Григоря есть одно замечательное место. «О! — восклицает один из персонажей диалога, Критовул, обращаясь к своему собеседнику, — сколь великой и тяжелой скорбью ты, любезный Флорентий, наполнил мою душу, изложив сведения, достойные обильных слез, о том, что город (имеется в виду Константинополь, выведенный под именем Афин. — *И. М.*), столь великий и известный во всей вселенной своей наукой и воинской доблестью и столь долгое время владычествовавший на море, ныне переживает несчастья, будучи изолирован на земле и на море и лишившись, так сказать, целиком всякой морской и сухопутной мощи. Однако Расскажи мне, о друг, о занятиях и ученых беседах, посвященных литературе и философии; неужели и в них он немощен, или хоть в этом он силен? И что же, снова шумят театры, процветает возвышенный Перипатос, справляет праздника Стоя? снова регулярно, через каждые четыре года празднуются Панафинеи и обходят площади агораномы?» На это Флорентий отвечает полными глубокого смысла словами: «Еще несколько лет назад, любезный Критовул, все это было увядшим и, так сказать, умершим, а сейчас снова расцветает и оживает, и позволяет надеяться на лучшее, если только какой-нибудь посторонний досадный случай, подобно бурному приливу, вызванному обратным ветром, не отклонит и не приведет в расстройство это движение и не повернет его в противоположную сторону»¹.

Все в этом отрывке значительно — и выведение Константинополя под именем Афин (это относится ко всему диалогу), и подчеркивание контраста между бедственным положением империи в XIV в. и напряженной духовной деятельностью византийской интеллигенции, и убеждение в том, что именно ученым-интеллектуалам суждено изменить обстановку в стране к лучшему, но самое главное с точки зрения нашей темы — представление человека того времени о культурном расцвете в палеологовскую эпоху как о возрождении (*ἀναβίωσις*) античных культурных традиций после длительного периода их упадка и омертвения (*τῶν λόγων νεκρωσις καὶ παραδόκιμησις*). Конечно, вполне закономерен вопрос о том, насколько объективен Григоря, нарисовавший столь мрачную картину упадка культуры, не сгустил ли он здесь краски, не допустил ли риторического преувеличения. Но если даже это в какой-то степени и так, сама возможность появления подобного рода оценки кажется символической. Впрочем, это представление было свойственно отнюдь не одному только Никифору Григору. Характеризуя вклад Никеи XIII в. в византийскую культуру, его учитель, тоже выдающийся ученый-гуманист и государственный деятель, Феодор Метохит (1260/1 — 1332) говорит, что Никея «посеяла семена будущего возрождения» (тот же термин — *ἀναβίωσις!*) — оценка необычайно емкая и точная².

Таким образом, византийцы сами ставят проблему «византийского возрождения» и своим авторитетом усиливают позицию тех современных исследователей, которые считают, что Византийская империя тоже пережила собственный Ренессанс — Палеологовское возрождение, хотя бы в форме «оживления» или «интенсификации» общей культурной активности³,

¹ *Niceforo Gregora. Fiorenzo o intorno alla sapienza / A cura di p. L. M. Leone. Napoli, 1975. P. 58—59.*

² *Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit // Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. L, 1973. N XX. S. 135.*

³ *Ševčenko I. The Palaeologan Renaissance // Renaissances before the Renaissance: Cultural Revivals of late Antiquity*